

Консультация медицинских специалистов.

На восьмой день после нового года Цзюцяньюсуй перед рассветом вошел во дворец, чтобы присутствовать на заседании суда. Возможно, из-за того, что после Праздника Весны накопилось слишком много нерешенных дел, я не видел его весь день, и он не вернулся в особняк даже к обеду. Он был так занят, что только перед ужином император нехотя разрешил ему покинуть дворец.

Когда он вернулся, он привез с собой полный экипаж врачей, и старых, и молодых, всего четыре человека. Зрелище было настолько величественным, что мое сердце содрогнулось от одного только взгляда на него.

По моему ограниченному жизненному опыту и знаниям, приглашать одновременно нескольких врачей — крайне неуважительное отношение к ним. Люди в основном избегали бы этого, если бы не паниковали от того, что буквально стояли на пороге смерти. Но я никак не ожидал, что однажды так обращаться будут со мной.

Я с трудом сглотнул от беспокойства. Следуя инструкциям Цзюцяньюсуя, я нервно сел на стул в центре комнаты. Тут же подошел ученик и положил мягкую ткань на подлокотник моего стула, попросив меня положить на нее запястье. (Прим: В традиционной китайской медицине врачи проверяют пациента, исследуя его пульс на запястье)

На самом деле, я никогда не посещал врачей должным образом. В детстве у меня никогда не было серьезных заболеваний, а все мои легкие травмы и болезни могли заживать естественным путем без особого внимания. Наоборот, Его Королевское Высочество часто нуждался во врачах, и я часто ездил в Императорский Медицинский Институт, чтобы пригласить врача, когда я ещё работал у него.

Но на этот раз мое состояние казалось более неприятным, чем серьезная болезнь.

После того, как врачи по очереди проверили мой пульс, все нахмурились. Затем они подошли, чтобы поднять и проверить мои веки, осмотреть мой язык, провести иглоукалывание на моих плечах и взять кровь из кончиков пальцев. Они даже поднимали мои руки и стучали по суставам. Чем больше они рассматривали, тем мрачнее становились их лица. Затем они сели рядом со мной и начали расспрашивать о деталях моих проверок лекарств. От каждого симптома, который я испытал после приема каждого препарата, до времени появления каждого симптома. За последние два года я испытал не менее двухсот лекарств, и они, похоже, хотели узнать о каждом из них. Каждый врач забрасывал меня вопросами, вплоть до мельчайших подробностей.

Краем глаза я увидел двух молодых учеников, стоящих рядом со мной, их каллиграфические мазки летали так быстро, что оставляли следы остаточных изображений.

Цзюцяньсуй уже приказал мне отвечать правдиво, поэтому, естественно, я не собирался ничего скрывать. Однако сроки тестирования лекарств были такими давними, а я тестировал их так часто, что не смог ответить почти на половину вопросов. Даже если бы я напряг свой мозг, чтобы вспомнить, мои воспоминания все еще были расплывчатыми и неорганизованными, поэтому я мог дать им только общие ответы.

Только для некоторых очень особых симптомов, таких как потеря моих навыков кунг-фу или внезапная рвота кровью, я мог вспомнить точное время и конкретные детали.

С того момента, как я начал отвечать на эти их вопросы, прошло более двух часов, и Цзюцяньсуй все это время молча сопровождал меня. Только когда доктора кивнули и заявили, что у них есть предварительная идея, он выступил вперед и взял рецепт на то, что я должен принять перед сном сегодня вечером.

К этому времени стемнело, и растения были покрыты обильной росой.

Когда я вышел из двора, где жили врачи, и направился к хозяйскому двору, напряжение, накопившееся в моем теле, наконец, отпустило, и я испустил долгий вздох облегчения. Внезапно Цзюцяньсуй спросил меня: «Ты когда-нибудь сожалел о стольких страданиях ради Шуньвана?»

Он спросил, сожалел ли я об этом, как будто он с самого начала знал, что я добровольно стану проверять лекарства.

— Нет. Я ответил честно. Хотя мой ответ мог вызвать его гнев, я не хотел лгать об этом. «Для меня большая честь разделить беспокойство Его Королевского Высочества».

Цзюцяньсуй сделал паузу, и воздух вокруг него стал напряженным. Я думал, что он рассердится, но даже после некоторого ожидания он не разозлился. Он подождал некоторое время и продолжал спрашивать: «Почему?»

«Потому что Его Королевское Высочество очень хорошо относится ко мне... ко всем нам».

Даже если бы мне пришлось вернуться в то время и в то место, я, вероятно, все еще был бы готов это сделать, даже если бы у меня не возникло привязанности к Его Королевскому Высочеству.

Я опустил голову и уставился на каменную дорожку под ногами и на подол наших мантий, покачивающийся на ходу. Я подумал о Его Королевском Высочестве и почему-то загрустил.

Цзюцяньсуй больше не говорил, и нас окружила тишина.

После возвращения в палаты и окончания нашего купания было уже примерно на час позже

обычного времени для сна. Я сидел в постели в изнеможении и с неохотой ждал, пока зажгут палочку благовоний, и наконец, увидел, как служанка принесла сваренный отвар.

Я подул на него несколько раз, запрокинул голову и выпил залпом. Быстро прополоскав рот, я заполз в постель и погрузился в глубокий сон еще до того, как Цзюцяньсуй лег спать.

Была безоблачная ночь, высоко висела яркая луна. Лунный свет, падавший в комнату, был настолько ярким, что я смутно ощущал свет даже сквозь веки.

Я перевернулся во сне и почувствовал, как на лбу выступает тонкий слой пота.

Угольная жаровня делала комнату необычайно теплой, такой теплой, что становилось душно и жарко.

Я чувствовал, как будто у меня на груди лежала большая кошка, из-за чего мне было трудно дышать, поэтому инстинктивно я хватал ртом воздух. Мое сознание изо всех сил пыталось удержаться над морем забвения, но я, похоже, не мог сохранять ясность ума.

Все, что я чувствовал, это то, что воздух вокруг меня становился все горячее и горячее.

Внезапно пустота, окружающая меня, начала извиваться и вращаться, пока медленно не появились цвета. Я увидел себя лежащим в открытом деревянном гробу. Меня окружали груды сухих веток и досок даже выше взрослого человека. Кто-то бросил в меня факел, и яростное пламя быстро распространилось, полностью охватив меня.

Я хотел позвать на помощь, но не мог издать ни звука. Пламя безудержно лизало гроб, а вокруг меня бушевали ужасающие волны жара, грозившие в любой момент поглотить меня целиком.

Вот как я умру? Не в особняке Шуньвана или особняке дюгоня, а в этом гробу, появившемся из ниоткуда?

Он горел так жарко и делал меня таким несчастным, что я не мог отличить реальность от иллюзии.

Я отчаянно боролся, но не смог восстановить даже малейшего контроля над своим телом. Кольцо огня, окружавшее меня, становилось все меньше и меньше, а чувство удушья становилось все сильнее.

«Сяо Ци... Сяо Ци...»

Как раз в тот момент, когда я уже собирался сдаться, мне казалось, что откуда-то издалека доносится голос, как будто внезапно пришла Божья сила и разрушила все вокруг меня. Мое

окружение снова погрузилось во тьму. В то же время ко мне приблизилась освежающая прохлада, даровавшая мне легкое облегчение от невыносимого ожога по всему телу.

Я вспомнил. Сяо Ци было моим прозвищем от Его Королевского Высочества. Так как под его началом было множество тайных гвардейцев, Его Королевское Высочество присвоил нам номера, и я оказался номером семь. (Прим: Сяо Ци, 七. Сяо означает маленький или молодой, Ци означает семь)

Его Королевское Высочество зовет меня?

С появлением этого голоса кошмар, сковывавший мои конечности, внезапно рассеялся. Следуя инстинкту своего тела, я с нетерпением искал прохладу. В тщетной попытке я попытался запихнуть все свое тело, почти обгоревшее от палящего огня, в это с таким трудом завоеванное убежище.

«Сяо Ци... проснись...»

Голос продолжался, хотя и с перерывами. Он становился все ближе и ближе. Каждый раз, когда он звал, мое сознание немного восстанавливалось.

Мне все еще было жарко, как будто пламя пробегало по моей коже и плоти.

Легкий ветерок коснулся моих век. С ним было слегка прохладно, с прикосновением, которое никогда не было таким реальным и таким комфортным.

«Эм...»

Ко мне вернулся контроль над голосовыми связками, и я издал приглушенный стон. Слои за слоем приподнимались завесы, закрывающие мое сознание.

Наконец-то я вырвался из болота своего сна.

Я медленно открыл глаза, и первое, что я увидел, это крепкую грудь. Слабый лунный свет падал на нее, делая кожу еще более светлой и безупречной.

Я долго смотрел на неё в оцепенении и, наконец, поднял голову. Второе, что я увидел, было лицо Цзюцяньсуя, которое было близко, чуть не касаясь меня.

«Сяо Цзин, ты плохо себя чувствуешь?» — спросил он, в его глазах отражалось сильное беспокойство, которого я никогда раньше не замечал.

Так что я все время ошибался. Не было ни Его Королевского Высочества, ни «Сяо Ци».

Это Цзюцяньсуй звал меня: «Сяо Цзин».

<http://bllate.org/book/14094/1239603>